

Толстой Лев Николаевич

**Сказка об Иване-дураке и его
двух братьях: Семене-воине и
Тарасе-брюхане и немой
сестре Маланье, и о старом
дьяволе и трех чертенятах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 40 с.

ISBN 978-5-519-77149-8

ISBN 978-5-519-77149-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СКАЗКА

объ Иванѣ дуракѣ и его двухъ братьяхъ: Семенѣ-воинѣ и Тарасѣ-брюханѣ и нѣмой сестрѣ Маланѣ и о старомъ дьяволѣ и трехъ чертенятахъ.

I.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ богатый мужикъ. И было у богатаго мужика три сына: Семень воинъ, Тарась брюханъ и Иванъ-дуракъ и дочь Маланья-вѣкоуха нѣмая. Пошелъ Семень-воинъ на войну, царю служить, — Тарась-брюханъ пошелъ въ городъ — къ купцу, — торговать, а Иванъ-дуракъ съ дѣвкою остался дома работать, горбъ наживать. Выслужилъ себѣ Семень воинъ чинъ большой и вотчину и женился на барской дочери. Жалованье большое было, и вотчина большая, а все концы съ концами не сводилъ: что мужъ соберетъ, все жена-барыня рукавомъ растрясетъ; все денегъ нѣтъ. И прѣхалъ Семень-воинъ въ вотчину доходы собирать.

Прикащикъ ему и говоритъ:—не съ чего взять; нѣтъ у насъ ни скотины, ни снасти, ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны, надо всего завести,—тогда доходы будутъ. И пошелъ Семень-воинъ къ отцу: — Ты, говоритъ, батюшка, богатъ, а мнѣ ничего не далъ. Отдѣли мнѣ третью часть, я въ свою вотчину переведу. Старикъ и говоритъ:—ты мнѣ въ домъ ничего не подавалъ, за что тебѣ третью часть данать. Ивану съ дѣвкой обидно будетъ! А Семень говоритъ: — Да вѣдь онъ дуракъ, а она—вѣкоуха нѣмая, чего имъ надо. Старикъ и говоритъ:—Какъ Иванъ скажетъ.

А Иванъ говоритъ:—Ну что-жъ, пускай беретъ. Взялъ Семень-воинъ часть изъ дома, перевелъ въ свою вотчину, опять уѣхалъ къ царю служить.

Нажилъ и Тарасъ-брюханъ денегъ много,—женился на купчихѣ, да все ему мало было, пріѣхалъ къ отцу и говоритъ:—Отдѣли мнѣ мою часть. Не хотѣлъ старикъ и Тарасу давать часть: — Ты, говоритъ, намъ ничего не подавалъ, а что въ домѣ есть, то Иванъ нажилъ. Тоже и его съ дѣвкой обидѣть нельзя. А Тарасъ говоритъ: — На что ему, онъ дуракъ; жениться ему нельзя, никто не пойдетъ, а дѣвкѣ нѣмой тоже ничего не нужно. Давай, — говоритъ, — Иванъ, мнѣ хлѣба половинную часть, а снасти брать не буду, а изъ скотины только жеребца сиваго возьму—тебѣ онъ пахать не годится.

Засмѣялся Иванъ. — Ну что-жъ, говоритъ, я пойду обратно.

Отдали и Тарасу часть. Увезъ Тарасъ хлѣбъ въ городъ, увелъ жеребца сиваго и остался Иванъ съ одной кобылой старой по прежнему крестьянствовать — отца съ матерью кормить.

II.

Досадно стало старому дьяволу, что не поссорились въ дѣлѣ братья, а разошлись по любви. И кликнулъ онъ трехъ чертенятъ.

— Вотъ, видите, говорить, три брата живутъ: Семенъ-воинъ, Тарасъ-брюханъ и Иванъ дуракъ. Надо бы имъ всѣмъ перессориться, а они мирно живутъ: другъ съ дружкой хлѣбъ-соль водятъ. Дуракъ мнѣ всё дѣла испортилъ. Подите вы втроемъ, — возьмитесь за троихъ и смутите ихъ такъ, чтобы они другъ дружку глаза выдрали. Можете ли это сдѣлать?

— Можемъ, — говорятъ.

— Какъ же вы дѣлать будете?

— А такъ, говорятъ, сдѣлаемъ: разоримъ ихъ сперва, чтобы имъ жрать нечего было, а потомъ собьемъ въ одну кучу, они и передерутся.

— Ну, ладно, говорить; я вижу, вы дѣло знаете. Ступайте и ко мнѣ не ворочайтесь, пока всѣхъ троихъ не смутите, а то со всѣхъ троихъ шкуру спущу.

Пошли чертенята всѣ въ болото, стали судить, какъ за дѣло браться; спорили, спорили, — каждому хочется полегче работу выгадать, и порѣшили на томъ, что жеребій кинуть, какой кому достанется. А коли кто раньше другихъ отдѣлается, чтобы приходилъ другимъ подсоблять. Кинули жеребій чертенята и назначили срокъ опять, когда въ болотѣ собраться — узнать, кто отдѣлался и кому подсоблять идти.

Пришелъ срокъ, и собрались по уговору чертенята въ болотѣ. Стали толковать, какъ у кого дѣла. Сталъ рассказывать первый чертенокъ — отъ Семена-воина.

Мое дѣло, говорить, ладится. Завтра, говорить, мой Семенъ къ отцу придетъ. Стали его товарищи спрашивать:—Какъ, ты, говорятъ, сдѣлалъ? — А я, говорить, первымъ дѣломъ, храбрость такую на Семена навелъ, что онъ общалъ своему царю весь свѣтъ завоевать, и сдѣлалъ царь Семена начальникомъ, послалъ его воевать индѣйскаго царя. Соплились воевать. А я въ ту же ночь въ Семеновомъ войскѣ весь порохъ подмочилъ и пошелъ къ индѣйскому царю, изъ соломы солдаты надѣлалъ видимо-невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на нихъ со всѣхъ сторонъ соломенные солдаты заходятъ—заробѣли. Ведѣлъ Семенъ палить: пушки, ружья не выходятъ. Испугались Семеновы солдаты и побѣжали, какъ бараны. И побилъ ихъ индѣйскій царь. Осрамился Семенъ, — отняли у него вотчину и завтра казнить хотятъ. Только мнѣ на день и дѣла осталось: изъ темницы его выпустить, чтобы онъ домой убѣжалъ. Завтра отдѣлаюсь, такъ сказывайте, кому изъ двухъ помогать приходиться?

Сталъ и другой чертенокъ, отъ Тараса, рассказывать про свой дѣла. — Мнѣ, говорить, помогать не нужно, мое дѣло тоже на ладъ пошло, больше недѣли не проживетъ Тарасъ. Я, говорить, первымъ дѣломъ, отростилъ ему брюхо и навелъ на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сдѣлалась, что, что не увидить, все ему купить хочется. Накупилъ онъ видимо-невидимо на всѣ свои деньги и все еще покупаетъ. Теперь ужъ сталъ на заемныя покупать. Ужъ много на шею набралъ, и запутался такъ, что не распутается. Черезъ недѣлю сроки подойдутъ отдавать, а я изъ всего товара его навозъ сдѣлаю—не расплатится и придетъ къ отцу.

Стали спрашивать и третьяго чертенка, отъ Ивана. — А твое дѣло какъ?

— Да что, говорить, мое дѣло не ладится. Наплевалъ я ему, первымъ дѣломъ, въ кувшинъ съ квасомъ, чтобы у него животъ болѣлъ, и пошелъ на его пашню, сбиль землю какъ камень, чтобы онъ не осилилъ. Думалъ я, что онъ не вспашетъ, а онъ, дуракъ, пріѣхалъ съ сохой, началъ драть. Кряхтитъ отъ живота, а самъ все пашетъ. Изломалъ я ему одну соху, — поѣхалъ онъ домой, переладилъ другую, подвои новые подвязалъ и опять принялся пахать. Залѣзъ я подъ землю, сталъ за сошники держать, не удержишь никакъ, — налегаетъ на соху, а сошники острые: изрѣзалъ мнѣ руки всѣ. Почти все допахалъ, одна только полоска осталась. — Приходите, говорить, братцы, помогать, а то, какъ мы его одного не осилимъ, всѣ наши труды пропадутъ. Если дуракъ останется, да крестьянствовать будетъ, они нужды не увидятъ, онъ обоихъ братьевъ кормить будетъ.

Пообѣщалъ чертенокъ отъ Семена-воина на завтра приходить помогать, и разошлись на томъ чертенята.

III.

Вспахалъ Иванъ весь паръ, только одна полоска осталась. Пріѣхалъ допахивать. Болитъ у него животъ, а пахать надо. Выхлестнулъ гужи, перевернулъ соху и поѣхалъ пахать. Только завернулся разъ, поѣхалъ назадъ — ровно за корень зацѣпило — волочетъ. А это чертенокъ ногами вокругъ разохи заплелъ, —

держитъ. — Что за чудо! думаетъ Иванъ. Корней тутъ не было, а корень. Запустилъ Иванъ руку въ борозду, ощупаль — мягкое. Ухватилъ что-то, вытащилъ. Черное какъ корень, а на корнѣ что-то шевелится. Глядь: чертенокъ живой. — Ишь, ты, говоритъ, пакость какая! Замахнулся Иванъ, хотѣлъ о приголовокъ пришибить его, да защищалъ чертенокъ. — Не бей меня, говоритъ, а я тебѣ, что хочешь, сдѣлаю.

— Что-жъ ты мнѣ сдѣлаешь?

— Скажи только, чего хочешь.

Почесался Иванъ. — Брюхо, говоритъ, болить, у меня, поправить можешь?

— Могу, говоритъ.

— Ну, дѣчи.

Нагнулся чертенокъ въ борозду, пошарилъ, пошарилъ когтями, выхватилъ корешокъ тройчатку, подаль Ивану.

— Вотъ, говоритъ, кто проглотитъ одинъ корешокъ — всякая боль пройдетъ. Взялъ Иванъ, разорвалъ корешки, проглотилъ одинъ. Сейчасъ животъ прошелъ.

Запросился опять чертенокъ: — Пусти, говоритъ, теперь меня, я въ землю проскочу — больше ходить не буду.

— Ну что-жъ, говоритъ, Богъ съ тобой! И какъ только сказалъ Иванъ про Бога — юркнулъ чертенокъ подъ землю, какъ камень въ воду, только дыра осталась. Засунулъ Иванъ два остальныхъ корешка въ шапку и сталъ допахивать. Запахалъ до конца полоску, перевернулъ соху и поѣхалъ домой. Отпрягъ, пришелъ въ избу, а старшій братъ, Семень-воинъ, сидитъ съ женой — ужинаютъ. Отняли у него вотчину —

насилу изъ тюрьмы ушелъ; и прибѣжалъ въ отцу жить.

Увидалъ Семень Ивана: — Я, говорить, къ тебѣ жить прѣхалъ; корми насъ съ женой, пока мѣсто новое выйдетъ.

— Ну что-жъ, говорить, живите.

Только хотѣлъ Иванъ на лавку сѣсть: не понравился барынѣ духъ отъ Ивана, она и говорить мужу: — Не могу я, говорить, съ вонючимъ мужикомъ вмѣстѣ ужинать.

Семень воинъ и говорить: — Моя барыня говорить: отъ тебя духъ не хорошъ, ты бы въ сѣняхъ поѣлъ.

— Ну что-жъ, говорить. Мнѣ и такъ въ ночное пора—кобылу кормить.

Взялъ Иванъ хлѣба, кафтанъ и поѣхалъ въ ночное.

IV.

Отдѣлался въ эту ночь чертенокъ отъ Семена-воина и пришелъ по уговору Иванова чертенка искать, ему помогать дурака донимать. Пришелъ на пашню, поискалъ, поискалъ товарища, — нѣтъ нигдѣ, — только дыру нашелъ. — Ну, думаетъ, видно съ товарищемъ бѣда случилась, надо на его мѣсто становиться. Пашня допахана, — надо будетъ дурака на покосѣ донимать.

Пошелъ чертенокъ въ луга, напустилъ на Ивановъ покосъ паводокъ; затянуло весь покосъ грязью. Вернулся на зорькѣ Иванъ изъ ночнаго, отбилъ косу, по-

шелъ луга косить. Пришелъ Иванъ, сталъ косить; махнетъ разъ, махнетъ другой — затупится коса, не рѣжетъ — точить надо. Бился, бился Иванъ, — нѣтъ, говорить, пойду домой, отбой принесу да хлѣба ковригу. Хоть недѣлю пробьюсь, а не уйду, пока не выкошу. Услыхалъ чертенокъ — задумался: — Калянъ, говорить, дуракъ этотъ, не проймешь его. Надо на другія штуки подниматься.

Пришелъ Иванъ, отбилъ косу, сталъ косить. Залѣзъ чертенокъ въ траву, сталъ косу за пятку довить, носкомъ въ землю тыкать. Трудно Ивану, однако выкосилъ покосъ, — осталась одна дѣлянка въ болотѣ. Залѣзъ чертенокъ въ болото, думаетъ себѣ: — Хотъ лапы перерѣжу, не дамъ выкосить. Зашелъ Иванъ въ болото; трава смотрѣтъ — не густая, а не проворотитъ косы. Разсердился Иванъ, началъ во всю мочь махать: сталъ чертенокъ подаваться, — не поспѣваетъ отскакивать, видитъ — дѣло плохо — забился въ кустъ. Размахнулся Иванъ, шаркнулъ по кусту, отхватилъ чертенку половину хвоста. Докосилъ Иванъ покосъ, велѣлъ дѣвкѣ грести, а самъ пошелъ рожь косить.

Вышелъ съ крюкомъ, а кургузый чертенокъ ужъ тамъ, перепуталъ рожь, такъ что на крюкъ нейдетъ. Вернулся Иванъ, взялъ серпъ и принялся жать; выжалъ всю рожь. — Ну, теперь, говорить, надо за овесъ браться. Услыхалъ кургузый чертенокъ, думаетъ: — На ржи не донялъ, такъ на овсѣ дойму, дай только утра дождаться. Прибѣжалъ чертенокъ утромъ на овсяное поле, а овесъ уже скошенъ. Иванъ его ночью скосилъ, чтобъ меньше сыпался. Разсердился чертенокъ: — Изрѣзалъ, говорить, меня и замучилъ ду-

ракъ. И на войнѣ такой бѣды не видалъ. Не спать, проклятый, за нимъ не поспѣешь. Пойду, говорить, теперь, въ копны, прогнать ему всѣ.

И пошелъ чертенокъ въ ржаную копну, залѣзъ между снопами, сталъ гноить: согрѣлъ ихъ и самъ согрѣлся и задремалъ.

А Иванъ запрягъ кобылу и поѣхалъ съ дѣвкой возить. Подѣвхалъ къ копнѣ, сталъ кидать на возъ, — скинулъ два снопа, сунулъ, — прямо чертенку въ задъ, поднялъ, глядь: на вилахъ чертенокъ живой, да еще кургузый, барахтается, ужимается, соскочить хочетъ.

— Ишь, ты, говорить, пакость какая! Ты опять тутъ?

— Я, говорить, другой, то мой братъ былъ. А я у твоего брата, Семена, былъ.

— Ну, говорить, какой ты тамъ ни будь, и тебѣ то же будетъ. Хотѣлъ его объ грядку пришибить, да сталъ его просить чертенокъ: — Отпусти, говорить, больше не буду, — а я тебѣ, что хочешь, сдѣлаю.

— Да что ты сдѣлать можешь?

— А я, говорить, могу, изъ чего хочешь, солдатъ надѣлать.

— Да на что ихъ?

— А на что, говорить, хочешь, поверни ихъ: они все могутъ.

— Пѣсни играть могутъ?

— Могутъ.

— Ну что-жъ, говорить, сдѣлай.

И сказалъ чертенокъ: — Возьми, ты, вонъ, снопъ ржаной, тряхни его о землю кузомъ и скажи только: велить мой холопъ, чтобъ былъ не снопъ, а сколько въ тебѣ соломенокъ, столько бы солдатъ.

Взялъ Иванъ снопь, тряхнулъ о земь и сказалъ какъ велѣлъ чертенокъ. И разскачился снопь, и сдѣлались солдаты, и впереди барабанщикъ и трубачъ играютъ. Засмѣялся Иванъ.

— Ишь ты, говоритъ, какъ ловко! Это, говоритъ хорошо, — дѣвокъ веселить.

— Ну, говоритъ, чертенокъ, пусти же теперь.

— Нѣтъ, говоритъ, это я изъ старновки дѣлатъ буду, а то даромъ зерно пропадаетъ. Научи, какъ опять въ снопь поворотить. Я его обмолочу.

Чертенокъ и говоритъ: — скажи: сколько солдатъ столько соломенокъ. Велить мой холопъ, будь опять снопь. Сказалъ такъ Иванъ, и сталъ опять снопь.

И сталъ опять проситься чертенокъ: — Пусти, говоритъ, теперь.

— Ну, что жъ! Зацѣпилъ его Иванъ за грядку придержалъ рукой, сдернулъ съ вилъ. — Съ Богомъ говоритъ; и, только сказалъ про Бога, юркнулъ чертенокъ подъ землю, какъ камень въ воду, только дѣра осталась.

Пріѣхалъ Иванъ домой, а дома и другой братъ Тарасъ, съ женой сидятъ, — ужинаютъ. Не разсчелъ Тарасъ-брюханъ, убѣждалъ отъ долговъ и пришелъ в отцу. Увидалъ Ивана: — Ну, говоритъ, Иванъ, пока расторгуюсь, корми насъ съ женой.

— Ну, что-жъ, говоритъ, живите. Снялъ Иванъ кафтанъ, сѣлъ къ столу.

А купчиха говоритъ: — Я, говоритъ, съ дуракомъ кушать не могу! Отъ него, говоритъ, потомъ воняетъ. Тарасъ-брюханъ и говоритъ: — Отъ тебя, говоритъ Иванъ, духъ не хорошъ — поди въ сѣняхъ поѣшь.